

Калашников Михаил Тимофеевич

Воспоминания дочери
Калашниковой Елены Михайловны

10 ноября 2014 года исполнилось бы 95 лет моему отцу – известному конструктору стрелкового оружия Михаилу Тимофеевичу Калашникову. К сожалению, он не дожид до этой юбилейной даты, ушел из жизни 23 декабря 2013 года, оставив нам возможность лишь помнить его и чтить.

Жизненный путь конструктора Калашникова пришелся на время больших перемен в судьбе нашей Родины: от возникновения и становления нового государства СССР до его распада и создания Российской Федерации. Будучи верным сыном своей страны, Михаил Тимофеевич очень болезненно воспринимал негативные события, которые периодически сотрясали нашу страну. Он всегда был настоящим патриотом и настоящим интернационалистом: «работать во благо Родины» и «никогда не делить людей по национальностям» – таковы были его истинные убеждения, его ориентиры.

Справедливости ради надо отметить, что конструктор Калашников не был исключением. Большинство его ровесников, коллег и друзей были точно такими же. В этом-то и была сила того поколения, давшая им возможность выстоять в лихие для нашей страны годы, чтобы затем невероятными уси-

лиями и упорным трудом вновь создавать величие страны, обеспечивая мир и благополучие ее народа. Такими они были – наши славные отцы и деды!

Вспоминая, с какой болью всегда мой отец говорил о вспыхивающих в разных странах вооруженных конфликтах, во время которых, как он повторял, «бесконтрольно гуляет по рукам созданное мной оружие», сегодня я не могу представить, как бы он реагировал на события на Украине.. Ведь, можно сказать, с украинского периода своей жизни Михаил Калашников стал формироваться как конструктор военной техники: в западноукраинском городе Стрый он служил в танковых частях Красной Армии и там начал заниматься рационализаторством и изобретательством. В штабе Киевского особого военного округа молодого красноармейца с созданным им прибором для танка принял командующий округом Г.К. Жуков. Из Киева по приказу командующего его командировали в подмосковную Кубинку. В сохранившемся документе того времени его впервые назвали «красноармеец-изобретатель», а отметка на бланке того документа – 2 октября 1940 г., Киев...

Конечно, никогда не думали выдающиеся конструкторы-оружейники, создатели оборонного щита нашей Родины, о таком повороте событий. Михаил Тимофеевич Калашников всегда говорил так: «В том, что применяется созданное конструкторами оружие, не они виноваты, а виноваты политики! Конструкторы создают оружие для защиты рубежей своего Отечества!» А наши рубежи, к сожалению, часто нарушались. И когда враг завоевывал страну, доходя до столицы, на кого надеялся наш народ? Ну, конечно же, на оружейников. Поэтому-то в нашей стране особо уважительное к ним отношение.

Имена многих конструкторов-оружейников широко известны. Исторически сложилось так, что образцам стрелкового оружия присваивалось наименование, содержащее первую букву фамилии конструктора – Токарев (пистолет ТТ и винтовка СВТ), Дегтярев (пулеметы РПД и ДП), Симонов (карабин СКС и винтовка АВС), Шпагин (пистолет-пулемет ППШ), Судаев (пистолет-пулемет ППС), Калашников (автомат АК, пулеметы РПК и ПК), Макаров (пистолет ПМ), Драгунов (снайперская винтовка СВД), Никонов (автомат АН) и так далее.

Как относиться к такой традиции? Может, она уже устарела? Может, пора присваивать вновь

создаваемому образцу оружия условные индексы, не упоминая имени его конструктора? Или же называть все новые образцы только одним всемирно известным именем, к примеру – «Калашников», как это предполагается сейчас делать в концерне «Калашников» для наименования новых разработок.

Подобная идея с маркетинговой позиции, подкрепленной известностью бренда, заманчива, хотя с позиции оружейной истории нашей страны вряд ли допустима. Ну, скажите, если конструктор нового образца оружия потерпит неудачу, и его образец покажет плохую работу, то на чье имя будет отнесен этот неуспех средствами массовой информации и непрофессионалами-обывателями? На имя того, кто создал это неудачное оружие «под прикрытием» известного имени? Нет, скорее всего – на имя, стоящее в наименовании образца, то есть на имя известного конструктора. Согласен ли на это последний, который уже никогда не узнает об установленном порядке приписывать ему чужие разработки в дополнение к созданному им оружейному наследию?

Кроме того, подобное присвоение имени принимаемому образцу неминуемо будет препятствовать возможности появления иных, новых имен в нашей оружейной истории. А это уже серьезнее, чем грех приписывания чужих разработок известному конструктору, поскольку лишает всякого стимула начинающего оружейника. Ведь «плох тот солдат, который не мечтает стать генералом» – надо же стремиться работать так, чтобы и твое имя когда-нибудь вошло в наименование разработанного тобой оружейного образца. А как же иначе?..

В том случае, когда имя конструктора дается образцу стрелкового оружия, которое находится в руках солдат, конструктор, можно сказать, несет гораздо большую ответственность за сохранение чужой жизни. Хотя бы на морально-этическом и ментально-мистическом уровнях! Ведь сколько историй о том, как наши солдаты «разговаривают» с конструкторами через свое оружие. К примеру, во многих вспоминаемых военнотружущими историях повторяются рассказы о том, что автомат Калашникова они называли просто – Калашников, потому что они видели в нем защитника и друга, носящего имя своего создателя. А теперь вопрос: кто-нибудь может дать гарантию, что так будет всегда, что не подведет их «чужой», «приписанный» Калашников?

Полагаю, что подобная вольность с оружейной историей и ее традициями не может быть актом патриотизма, продиктованным «продолжением дела известного конструктора». Просто сегодня

люди, случайные и незнакомые с такими вопросами, принимают подобные неверные решения. И остается лишь надеяться на то, что разумные управленцы и сами оружейники когда-нибудь смогут на это повлиять.

Наша отечественная оружейная история включает в себя две переплетенные и одинаково важные ветви. Первая из них – специальная техническая информация о разработках конструкторов-оружейников, вторая – их жизнеописания, биографии. Знакомство с жизнью конструктора, с историей его творчества, с его жизненной философией дает возможность понять истоки его творчества, масштаб его личности и оценить его заслуги. Волею судьбы мне близка именно эта часть оружейной истории, поэтому я беру на себя смелость предложить читателю подобранные отрывки из жизнеописания моего отца, создателя легендарного автомата АК-47 и других образцов стрелкового оружия.

Конструктор стрелкового оружия Михаил Тимофеевич Калашников родился 10 ноября 1919 года на Алтае в селе Курья в многодетной крестьянской семье. Родители его – Тимофей Александрович и Александра Фроловна вырастили и воспитали восьмерых детей: двух девочек и шестерых мальчиков.

Помогая родителям, дети с малых лет работали в поле и на домашнем подворье. Мишу с семи лет брали на пахотные работы – погонять лошадей, тянущих плуг или борону. Работать в поле вместе со взрослыми ему нравилось, но все-таки больше он любил помогать старшему брату Виктору в плотницких и слесарных работах – где доску подержать, где инструмент подать. Особенно его интересовали те работы брата, которые были связаны с металлом, какая-то врожденная тяга была у маленького Миши к этому материалу.

Достигнув школьного возраста, Миша пошел учиться. К тому времени он уже умел неплохо читать и даже пытался писать – сам научился от своих старших братьев Ивана и Андрея, которые ходили в школу. Будучи любознательным и смелым учеником, Миша не только всегда учился хорошо, но и часто бывал организатором разнообразных затей одноклассников вне школы.

Никогда в семье Калашниковых не было ни большого достатка, ни наемных работников, но в 1930 году они попали под раскулачивание: с младшими детьми их выслали на север Томской области в таежную маленькую деревню Нижняя Моховая. Поселили их семью в чей-то пустующий

дом, и стали они его обживать, размещая невеликий скарб, устраивая свой быт на новом месте. Но в конце декабря их постигло еще большее несчастье, от внезапно разившейся чахотки умер отец Михаила – Тимофей Александрович, и его мать осталась одна с пятью сыновьями, старшему из которых было 16 лет, а младшему 4 года.

С той поры на плечи Александры Фроловны легла вся забота о семье. Старшие дети, выполняя всю мужскую работу, помогали матери по хозяйству, а младшие, в том числе и Михаил, продолжали учебу в маленькой деревенской школе с четырехклассным образованием. На следующий год Михаилу пришлось учиться в селе Ворониха, которое было в пятнадцати километрах от Нижней Моховой. Так как ежедневно преодолевать этот путь было невозможно, его определили на постой в чужую семью. Домой он ходил только раз в неделю – в воскресенье.

В раннем возрасте у Михаила проявились способности к сочинительству стихов и даже пьес, которые исполнялись учениками школы. Среди друзей он был признанным поэтом, известным на все село. Но, как потом показала жизнь, он не оправдал надежд своих сверстников, неожиданно для всех став «технарем», хотя любовь к сочинительству он пронес через всю жизнь, нередко удивляя друзей и коллег поэтическими экспромтами.

Второе школьное увлечение – техника. Это и стало для Михаила делом всей жизни. Первые попытки самостоятельно что-либо смастерить были у него еще в дошкольном возрасте. Он постоянно бродил по селу в поисках всяких железок, набивал ими карманы, не всегда понимая: зачем и для чего? Правда, потом кое-что оказывалось нужным, пригодились. Будущего оружейного конструктора буквально завораживала работа механизмов: как отдельные детали соединяются и работают согласованно, не мешая друг другу? Он разбирал и собирал все, что можно было разбирать по деталям. Много, конечно, портил, но кое-что и ремонтировал...

Позже, изучая в школе физику, задался Михаил идеей сделать вечный двигатель. Учитель поддерживал его в этом, всячески помогая мальчику в осуществлении его мечты. Были изготовлены опытные макеты, которые, правда, не выдержали испытаний «вечностью», но дали будущему конструктору впервые почувствовать творческий азарт. Постигшая неудача не привела его к разочарованию – очевидно, заложен был в нем иммунитет к поражениям, которых еще будет немало на его конструкторском пути.

Летом 1936 года, после окончания 9-го класса, Михаил решил самовольно уйти из места их вы-

сылки, из Нижней Моховой. Друг, которому он рассказал об этом, захотел идти вместе с ним. Соблюдая меры предосторожности, они начали тщательно готовиться к этому нелегкому и опасному путешествию. Стараясь не вызывать подозрений у своих близких, они постепенно приготовили все, что могло потребоваться в пути.

Ранним утром с узелками в руках два друга вышли из поселка. По населенным пунктам, лежащим на их пути, проходить с другом было не так страшно, как одному. Они договорились заранее о том, что в поселках будут изображать арестованного и его конвоира. Это для того, чтобы не вызывать у местных жителей каких-либо подозрений и лишних расспросов. Так они и делали.

Преодолев немалое расстояние, путники добрались до села, откуда родом был друг Михаила, и заночевали в доме его родственников. Перед тем, как им вместе отправиться в Курью, друг решил открыть ему свою тайну: покопавшись в старом хламе на чердаке дома, достал нечто, завернутое в тряпки. Когда он их развернул, Михаил увидел покрытый ржавчиной пистолет или «леворверт», как тогда прошептал ему друг. Откуда взялся и каким чудом сохранился, неизвестно. Но это был тот самый пистолет Браунинга, с которого и началось первое знакомство будущего конструктора с боевым оружием.

Хранить такое оружие – дело незаконное. Друг Михаила и сам не знал, что ему с этим пистолетом делать. Выбросить его было жалко, а оставлять в доме родственников опасно. Отправляясь в Курью, друзья решили взять пистолет с собой. Поселившись у сестры Михаила, они спрятали его в погребе под домом.

Вскоре ребята устроились на работу в бухгалтерию сельской машинно-тракторной станции. Относительно спокойная жизнь в Курье продолжалась несколько месяцев, пока не начались неприятности: каким-то образом стало известно о незаконно хранящемся пистолете. Сначала в дом сестры с расспросами пришел милиционер, а на следующий день Михаил уже был под арестом. На допросе он старался убедить милиционера, что у него нет и не было никакого пистолета, поскольку, признавшись, он мог выдать не только себя, но и друга.

В канун нового 1937 года Михаила отпустили с условием, что после праздников он все-таки принесет и сдаст пистолет. В тот же вечер, посоветовавшись, друзья решили срочно покинуть родные места, уехать в Казахстан, где в железнодорожном депо на станции Матай работал старший брат друга Михаила. И снова быстрые сборы, снова дорога. Пистолет, ставший виновником их

вынужденного бегства из Курьи, взяли с собой, чтобы закопать в снег где-нибудь подальше от села. Так и сделали...

Через несколько дней они уже работали в железнодорожном депо станции Матай: друг – бухгалтером, а Михаил – учетчиком в бухгалтерии. Эта работа дала ему возможность узнать, чем занимаются в разных мастерских депо, и познакомиться с работавшими там людьми. Добросовестное отношение Михаила к своему делу заметили и предложили вступить в комсомол, а несколько месяцев спустя по рекомендации комсомольской организации его перевели на работу техническим секретарем политотдела 3-го отделения Туркестано-Сибирской железной дороги.

В августе 1938 года Михаила Калашникова призвали на службу в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию и зачислили в танковую часть. По прибытии к месту службы, в западноукраинский город Стрый, он был определен в учебную роту, в которой готовили механиков-водителей танков. Это было большой удачей – наконец-то он получил возможность, не скрываясь, открыто изучать работу сложных механизмов имеющейся боевой техники. Причем делать это с помощью командиров, объясняющих курсантам их устройство и работу. Для будущего конструктора то время было самым хорошим, самым интересным в его армейской службе. Теоретическая учеба сочеталась с практической – вождением и стрельбой из всех видов оружия, находящегося в распоряжении экипажа, в том числе и из пистолета ТТ (Тула, Токарев), которым тогда только что вооружили танкистов.

Изучая военную технику, Калашников начал заниматься рационализаторством и изобретательством. Сначала он сделал инерционный счетчик для учета фактического количества выстрелов из танковой пушки. Затем сконструировал прибор для фиксации работы танкового двигателя под нагрузкой и на холостом ходу (счетчик моточасов), с которым осенью 1940 года был направлен в штаб Киевского особого военного округа. Командующий округом Георгий Константинович Жуков одобрил изобретение молодого красноармейца и распорядился направить его в Киевское танковое техническое училище. В мастерских училища счетчик надо было доработать, изготовить два опытных образца и тщательно их испытать.

Испытания счетчика моточасов на танкодроме Киевского особого военного округа прошли успешно. После их завершения генерал армии Г.К. Жуков поблагодарил изобретателя-красноармейца Калашникова за работу и наградил ценным подарком – часами, а затем распорядился коман-

дировать молодого танкиста в подмосковную Кубинку в танковую часть для сравнительных полевых испытаний разработанного им прибора.

Испытания были проведены и показали хорошие результаты, счетчик моточасов был рекомендован к изготовлению опытной серии в Ленинграде на заводе № 174 при участии автора изобретения. С весны 1941 года Калашников работал на этом заводе и в это же время он разработал там еще один прибор – выключатель массы для танка, который был изготовлен и подвергнут лабораторным заводским испытаниям. Документ, составленный по итогам заводских испытаний, датирован 24 июня 1941 года – это был третий день Великой Отечественной войны.

Ленинградский завод № 174 сразу же перевели на работу в режиме военного времени. Изготовление и испытание новых конструкторских разработок, в том числе приборов Калашникова, приостановили, а сам изобретатель-красноармеец, как военнообязанный, должен был срочно отбыть из Ленинграда в свою воинскую часть. Попрощавшись с заводчанами, он получил свои документы, собрал вещи и поспешил на вокзал.

Не зная, где точно в данное время находится его часть, Калашников решил сесть в поезд, идущий в южном направлении, а уже от Харькова добираться до нее, двигаясь на запад. Выйдя из вагона на какой-то станции перед Харьковом, он случайно встретил своих сослуживцев, сопровождавших платформу с новыми танками, и присоединился к ним. При формировании роты красноармейца Калашникова назначили командиром танка Т-34, присвоив ему звание старшего сержанта. И вскоре он уже принимал участие в боях.

Провоевав всего три месяца, в жестоких боях под Брянском старший сержант Калашников был ранен, левое плечо было насквозь прошито осколком брони, отлетевшим внутри танка после прямого попадания в него.

Попав в военный госпиталь в город Елец, бессонными ночами, среди стонов и вскрикиваний товарищей по палате Калашников думал о том, что создание надежного скорострельного пистолета-пулемета наверняка бы привело к скорой победе над врагом. Мысли о задуманном оружии не давали Михаилу уснуть: в голове возникали почти фантастические идеи, представлялись контуры пистолета-пулемета, вырисовались его будущие механизмы. Утром он доставал из тумбочки карандаш, ученическую тетрадь и записывал, зарисовывал все то, что приходило ему в голову прошедшей ночью.

К счастью, в госпитале была неплохая библиотека, и в ней Калашников нашел несколько нуж-

ных ему книг: два тома «Эволюция стрелкового оружия» В.Г. Федорова, изданных Артиллерийской академией, наставления по трехлинейной винтовке, ручному пулемету Дегтярева, револьверу Нагана. Он читал эти книги, анализировал, чертил...

Во многом ему помог разобраться лежащий с ним рядом лейтенант-десантник, до войны работавший в каком-то научно-исследовательском институте. От него будущий конструктор узнал множество интереснейших подробностей не только об особенностях тех или иных образцов оружия, но и о судьбах их создателей. Имена некоторых из них были уже известны ему: Федоров, Дегтярев, Токарев, Шпагин. Но вот фамилию Рощепей Калашников никогда не встречал. Однажды лейтенант-десантник рассказал об этом удивительном оружейном конструкторе. В начале двадцатого века рядовой солдат, кузнец оружейно-ремонтной мастерской Рощепей сумел сделать собственный образец автоматической винтовки. Его винтовка хоть и не была тогда принята военным руководством, но технические решения, заложенные в ней (неподвижный ствол и свободный затвор, открывающийся с замедлением), впоследствии были использованы во многих зарубежных образцах оружия. Для сержанта Калашникова творческая смелость солдата Рощепея стала хорошим примером для подражания.

Раны старшего сержанта Калашникова заживали медленно, да и рука действовала плохо. Но наконец, после очередного осмотра доктора приняли решение: выписать его из госпиталя и отправить для долечивания на шесть месяцев в тыл – в отпуск по ранению.

Получив отпускной билет, Калашников собрал свои солдатские пожитки, бережно завернув в газету самое ценное – тетрадь с чертежами-эскизами будущего пистолета-пулемета, и отбыл из госпиталя на родину, в Алтайский край. Ехал он в переполненном вагоне, но не замечал дорожных неудобств: погруженный в свои мысли, лихорадочно искал ответы на одни и те же вопросы: что дальше делать с идеей создания пистолета-пулемета? Где и как можно это осуществить? Хватит ли ему отпущенного времени – до ухода на фронт надо успеть не только изготовить опытный образец, но и проверить его в работе.

Под стук колес поезда, идущего на восток, Калашникову пришло в голову одно-единственное решение: ехать в Казахстан на станцию Матай. Он вспомнил, как до призыва в Красную Армию работал в железнодорожном депо. Вспомнил, какие там были мастерские и умельцы-мастеровые. Наверняка там могли бы сделать пистолет-пулемет.

Поэтому надо ехать в железнодорожное депо на станции Матай, где Калашникова хорошо знают и обязательно помогут ему воплотить в металл то, что уже нарисовано в тетради. Так война определила судьбу М.Т. Калашникова – он стал конструктором оружия.

После недолгих сомнений и колебаний начальник железнодорожного депо дал свое согласие на изготовление макетного образца пистолета-пулемета Михаила Калашникова. Но с условием – предварительно составить план выполнения необходимых работ и определить тех работников, кто войдет в создаваемую группу из трех-пяти человек. Остальных специалистов будут привлекать строго по необходимости, поскольку в депо и для основных дел работников не хватает.

Идею проведения работ по созданию пистолета-пулемета в железнодорожном депо поддержал и районный военком. Таким образом, на станции Матай начинающий конструктор нашел не только добрых помощников, но и единомышленников. После этого можно было смело приступить к работе.

Через три месяца образец пистолета-пулемета был собран, и встала проблема: где и как его испытывать? Калашникову удалось получить в местном военкомате несколько сот патронов. Испытывали пистолет-пулемет в той же комнате, где шла сборка: поставили большой ящик с песком и по ночам проводили отладочные стрельбы. Проверили кучность одиночного и автоматического огня, получили неплохой результат.

После этого по рекомендации районного военкома старший сержант Калашников поехал с разработанным им образцом в Алма-Ату в областной военкомат – там наверняка знают, что делать дальше. А дальше была доводка образца пистолета-пулемета с привлечением преподавателей и студентов Московского авиационного института, эвакуированного в начале войны в Алма-Ату. Затем – проведение испытаний нового оружия на стрельбище за городом, в горах. После того как образец пистолета-пулемета показал неплохие результаты по работе автоматики и по кучности стрельбы, старшего сержанта Калашникова с его разработкой направили в Военный совет Среднеазиатского военного округа в Ташкент, а затем в Самарканд в Артиллерийскую академию имени Дзержинского к профессору Анатолию Аркадьевичу Благодравову.

8 июля 1942 года начальник Артиллерийской академии заслуженный деятель науки и техники, профессор, доктор технических наук, генерал-майор артиллерии Благодравов принял Калашникова и, ознакомившись с его образцом пистолета-пуле-

мета, составил и вручил ему следующий документ: *«Хотя сам образец по сложности и отступлениям от принятых тактико-технических требований не является таким, который можно было бы рекомендовать для принятия на вооружение, однако исключительная изобретательность, большая энергия и труд, вложенный в это дело, оригинальность решения ряда технических вопросов заставляют смотреть на тов. КАЛАШНИКОВА как на талантливого самоучку, которому желательно дать возможность технического образования. Несомненно, из него может выработаться хороший конструктор, если его направить по надлежащей дороге. Считал бы возможным за разработку образца премировать тов. КАЛАШНИКОВА и направить его на техническую учебу».*

Но командующий Среднеазиатским военным округом Курбаткин, ознакомившись с отзывом генерал-майора артиллерии Благонравова, решил, что с учебой Калашникову пока придется повременить: пистолет-пулемет надо доработать и испытать на самом серьезном уровне. С этой целью молодого конструктора с разработанным им пистолетом-пулеметом командировали в Москву в Главное артиллерийское управление (ГАУ). Не забыл командующий округом и о ходатайстве генерала Благонравова о поощрении сержанта Калашникова – перед отъездом в Москву его наградили денежной премией.

Приехав в Москву, старший сержант Калашников направился в Главное артиллерийское управление, а оттуда – в Наркомат обороны СССР к начальнику отдела изобретательства полковнику Глухову. Прочитав письмо командующего войсками Среднеазиатского военного округа Курбаткина и отзыв профессора Благонравова, он распорядился направить Калашникова в воинскую часть, дислоцирующуюся в Московском военном округе, где находился Научно-исследовательский полигон стрелкового и минометного вооружения (НИПСМВО или просто – щуровский полигон).

По счастливой случайности его попутчиком от Москвы до полигона оказался известный конструктор Сергей Гаврилович Симонов. В дороге опытный оружейник рассказал много интересного о полигоне и его уникальном оружейном музее. Как советовал Сергей Гаврилович Симонов, едва выдавалась свободная минута, Калашников шел в этот музей. Его коллекция оказалась действительно уникальной, позволяющей наглядно, на конкретных образцах проследить все этапы эволюции оружия. Сравнивая различные образцы винтовок, карабинов, пистолетов, автоматов, пулеметов Калашников видел, насколько оригинальными могут быть конструкторские решения,

непредсказуем полет творческой мысли изобретателей и насколько схожи порой в исполнении многие наши и зарубежные образцы.

Все стрелковое оружие, которое принималось на вооружение Красной Армии, подвергалось опытными офицерами-испытателями щуровского полигона многократным тщательным проверкам. Испытания здесь проходили и все новые разработки советских конструкторов. На отдельных направлениях испытывались разные типы оружия: индивидуальное, групповое, баллистическое и т.д. На специальных площадках полигона проводили испытания стрелково-пушечного и минометного вооружения, ручных гранат, различных взрывчатых веществ.

В январе-феврале 1943 года на щуровском полигоне прошли испытания пистолета-пулемета старшего сержанта Калашникова. По результатам этих испытаний было представлено официальное заключение, что пистолет-пулемет Калашникова, «несмотря на многие подкупающие стороны (малый вес, малая длина, наличие одиночного огня, удачное совмещение переводчика и предохранителя, компактный шомпол и пр.), в настоящем виде своем промышленного интереса не представляет».

И хотя первый опытный образец стрелкового оружия – пистолет-пулемет Калашникова – не прошел полигонных испытаний, работа над ним дала молодому изобретателю опыт и знания для дальнейшего творчества: в 1943–1944 годах он разработал собственные конструкции ручного пулемета и самозарядного карабина. Но и эти образцы не прошли полигонных испытаний, не принесли конструктору успеха.

И наконец, в 1945 году, работая в КБ подмосковного полигона в Щурово, Калашников включился в конкурс по созданию автомата и одержал победу на первом, можно сказать, проектном этапе.

Первые опытные образцы автомата Калашникова изготавливались в 1946–1947 годах в Коврове. Автомат АК-47 выдержал и полигонные, и войсковые испытания и был рекомендован для принятия на вооружение. Весной 1949 года двадцатидевятилетний старший сержант Калашников стал лауреатом Сталинской премии первой степени.

Опытная партия автоматов Калашникова для войсковых испытаний была изготовлена на Ижевском мотозаводе в 1948 году. В 1949 году на Ижевском машиностроительном заводе начался массовый выпуск автоматов. В том же году М.Т. Калашников уволился в запас и переехал в Ижевск, а с сентября 1949 года начал работать

ведущим конструктором в отделе главного конструктора завода. Под его руководством проводились доработка и модернизация автомата, разрабатывались различные его модификации (АКМ, АКМС, АКМН, АКМСН), создавались ручные пулеметы (РПК, РПКС, РПКН, РПКСН) и пулеметы под винтовочный патрон (ПК, ПКС, ПКТ, ПКБ). В 1970-е годы разработаны автоматы и ручные пулеметы калибра 5,45 мм (АК74, АКС74, АКС74У, РПК74, РПКС74). В 1990-х годах на базе автомата АКМ создан ряд нарезного и гладкоствольного охотничьего оружия.

М.Т. Калашников – генерал-лейтенант (1999), доктор технических наук (1971) и академик нескольких российских и зарубежных научно-технических академий. Он шесть созывов был депутатом Верховного Совета СССР.

Михаилу Тимофеевичу Калашникову дважды присвоено звание Героя Социалистического Труда (1958, 1976), звание Героя Российской Федерации (2009); он – лауреат Ленинской премии (1964), Сталинской премии I степени (1949) – в 1962 г. заменена Государственной премией СССР, – Государственных премий РФ (1998, 2007) и премии Президента России (2002).

Награжден орденами СССР: Ленина (1958, 1969, 1976), Октябрьской Революции (1974), «Отечественной войны» I степени (1985), Трудового Красного Знамени (1957), Дружбы Народов (1982), Красной Звезды (1946), «За заслуги перед Отечеством» II степени (1994); орденами РФ: Святого апостола Андрея Первозванного (1998), «За военные заслуги» (2004), орденом Республики Беларусь – «Пашаны» («Почета», 1998), орденом Республики Казахстан – «Достык» I степени (2003), ведомственными и юбилейными медалями.

Конструктор Калашников часто бывал в воинских частях, в трудовых коллективах российских городов и сел. Всемирно известный человек был одинаково прост и естественен как среди лидеров и руководителей государств, так и среди рабочих,

солдат, односельчан. Начиная с 1990 года, Калашников многократно выезжал за рубеж в составе российской делегации для участия в оружейных выставках и по приглашению коллег-оружейников. Он встречался с военными, с производителями и коллекционерами оружия, и, конечно, со своими коллегами: с создателем знаменитой американской винтовки М16 Юджином Стоунером, с известным оружейником Биллом Рюгером, с автором израильского пистолета-пулемета Узи Галом.

С 1949 года семья М.Т. Калашникова жила в Ижевске. Его супруга Екатерина Викторовна занималась воспитанием их четверых детей – Виктора, Нэлли, Елены и Натальи. У Михаила Тимофеевича три внука и две внучки. В 1977 году он потерял жену, а в 1983 – младшую дочь Наталью.

До конца своих дней генерал-лейтенант Калашников работал на Ижевском машиностроительном заводе.

Человек, который не только выдвигал и соблюдал высокие требования к качеству сделанного им самим оружия, но и той же мерой оценивал любые бытовые вещи, любые самодельные домашние приспособления – таков Калашников Михаил Тимофеевич, мой отец. В нашей семье было обычным явлением видеть его в рабочем синем халате со слесарным инструментом в руках. Все, что он ремонтировал, было «навечно» и «со знаком качества». Что это – черта характера, выработанная привычка или часть его таланта? Иногда даже было непонятно, для чего тратить столько времени на простую дверную защелку или ремонт замка, ведь все это можно просто купить в магазине и быстро поставить. Но со временем это оправдывалось, все было сделано просто и надежно. Любимое его выражение: делать так, чтобы комар носа не подточил.